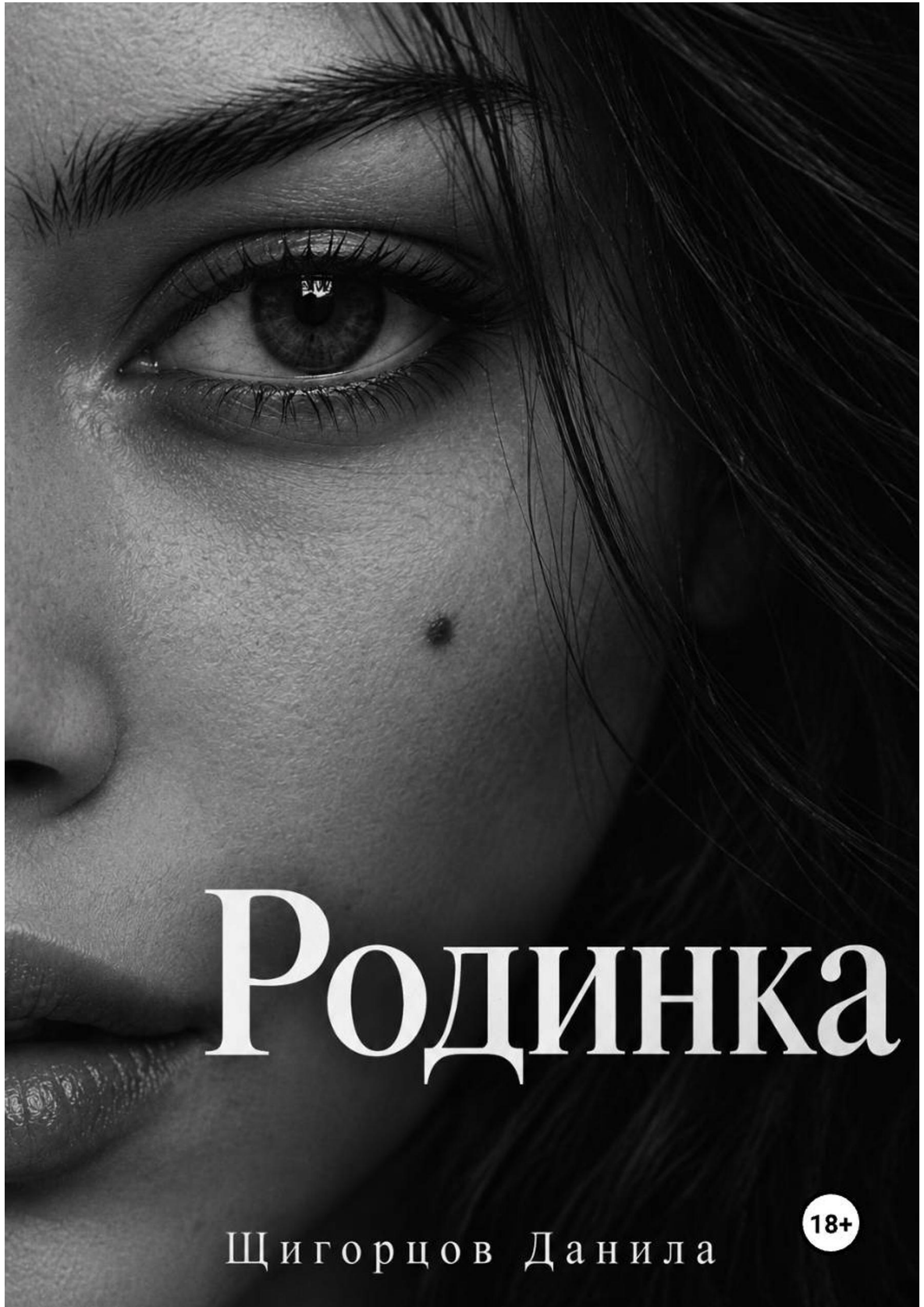

Родинка

Щигорцов Данила

18+

Щигорцов Данила

Родинка

«Автор»

2026

Данила Щ. В.

Родинка / Щ. В. Данила — «Автор», 2026

Марку двадцать четыре, но его жизнь давно остановилась. Серые будни, механические движения, пустые разговоры — и девушка по имени Мари, которая то приближает его, то отталкивает. Единственное, что выбивает его из оцепенения, — странные сны, в которых реальность смешивается с кошмаром, и вопросы психотерапевта, на которые у Марка нет ответов. С каждым сеансом он всё меньше понимает, что происходит на самом деле. Брат настаивает на лечении, Мари уклоняется от встреч, а собственные воспоминания рассыпаются в прах. Чтобы выбраться из тумана, Марку придётся заглянуть в прошлое, которое он так старательно забыл, — и решить, готов ли он узнать правду, какой бы она ни была.

© Данила Щ. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	10
Глава 6	11
Глава 7	13
Глава 8	15
Глава 9	17
Глава 10	18
Глава 11	20
Глава 12	21
Глава 13	22
Глава 14	23
Глава 15	25
Глава 16	27
Глава 17	29

Щигорцов Данила

Родинка

Глава 1

Я снова получил удар в сердце. Эта девушка всё сильнее делает мне больно.

Почему это звучит так, будто я ноющий мальчишка, переживающий из-за какой-то глупости?

Мне 24 года.

Я Марк. Её зовут Мари. Невысокая девушка, чем-то похожая на Афину — богиню мудрости и войны, которую обычно изображают с суровым, но пронизательным взглядом, в шлеме и с копьём, — но в миниатюрном, почти хрупком воплощении.

Уже несколько лет я хожу за ней и ухаживаю. Как говорили мои друзья, стелюсь. Сегодня день не изменился.

Я проснулся, умылся. Вода из крана была ледяной, но это хоть немного отрезвило. Вытер лицо полотенцем и посмотрел в зеркало — под глазами залегли тени, взгляд пустой. Оделся механически: старые джинсы, серая футболка, кожаная куртка. Вышел на улицу — утро было серым, как и всё вокруг.

Дошёл до остановки, встал в очередь. Люди вокруг казались размытыми тенями, их голоса сливались в гул. Через несколько минут подъехал автобус.

8:32

Я сел на заднее сиденье, прислонился головой к холодной стойке между окнами и почти сразу провалился в сон — без сновидений, только тяжесть в веках.

9:05

Проснулся от толчка, когда автобус остановился. Вышел на своей остановке и пошёл через половину района к офису. Дорога привычная до отвращения: те же облезлые панельные дома, те же мокрые от утренней росы скамейки, те же безликие прохожие.

Зашёл в офис — узкое помещение с тусклым светом и запахом кофе, который давно перестал казаться бодрящим. Сел за свой стол, включил компьютер и просидел до 17:00, перебирая бумаги и отвечая на письма. Всё это — механические движения. После работы — обратный путь, такой же пустой.

В 19:00 я вышел на балкон. Вечерний ветер был колючим, но я почти не чувствовал холода. Набрал номер Мари. Сердце забилося чаще — каждый раз, когда я жду ответа, внутри поднимается волна надежды, которая тут же разбивается о её холод.

Она взяла трубку. Голос был ровным, безжизненным — как всегда.

— Привет, как дела?

— Привет, так, пойдёт... — отвечаю я, и на пять секунд повисает нелепое молчание, словно мы не люди, а животные, которые не знают языка друг друга. — Ты как?

— Нормально.

- Как день прошёл?
- Как обычно. У тебя как?
- Также... Что нового? Что расскажешь?
- Нечего. У тебя есть что?
- Также... Может, увидимся?
- Не могу.

Молчание. Нам нечего сказать друг другу.

— Ладно, мне надо идти. Пока. — говорит Мари и кладёт трубку. Словно этого диалога и не было.

Я остаюсь на балконе, глядя на огни города. В груди — пустота, которая становится привычной.

Глава 2

Мой брат сказал:

«Бросай её! И лучше иди к врачам. У тебя снова депрессия, брат!»

Он не мой брат по крови. По родословной он мне вообще никто. Просто посторонний человек. Но такие люди становятся родными, когда мы начинаем свои проблемы и проблемы своих семей объединять и решать вместе. Мы знакомы большую часть моей жизни — с самого детства, когда он жил в соседнем дворе. Тогда мы не крепко общались, но из-за учебы в одном классе, мы сильно сдружились. С тех пор он и стал братом — по духу, а не по крови.

Я послушал его совет. Не потому, что верил в депрессию, а потому, что устал спорить. На следующий день я отправился к врачу. Мари я так и не бросил — просто не смог, но решил хотя бы попытаться разобраться в себе.

Сидя перед кабинетом Дока, я чувствовал опустошение. Ты словно упал на дно, если пришёл ныть к врачу. Что ему говорить — я даже не знал. Вокруг пахло дешёвым антисептиком и старой бумагой. В коридоре сидели несколько человек с одинаково пустыми лицами — они тоже ждали, кто-то вертел в руках телефон, кто-то просто смотрел в пол. Я сжал в кармане ключи, пытаюсь унять дрожь в пальцах.

Из двери вышел молодой парень, за ним — мужчина лет сорока пяти, в очках с тонкой оправой.

— Марк? — спросил он, взглянув на планшет.

— Да, я.

— Заходите.

Я поднялся и переступил порог. Кабинет напоминал декорации к американским фильмам или сериалу «Клан Сопрано» — да, именно так выглядел кабинет доктора Дженнифер Мелфи: два мягких кресла тёмно-зелёного цвета, между ними низкий стеклянный столик с салфеткой, на стенах — несколько абстрактных картин, создающих иллюзию уюта. Док прошёл к своему столу, взял небольшую планшетку и уселся в кресло напротив. Я сел на противоположное, чувствуя себя неловко — словно я пришёл не на приём, а на экзамен.

— Ваш брат сказал, что у вас тяжёлая форма депрессии.

— Он не совсем мой брат, но депрессии у меня нет. — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовал.

Док что-то записал в планшетку, кивнул, затем поднял глаза:

— Хорошо. Что вас мучает последнее время?

— Просто нет желания что-либо делать, даже идти сюда было тяжело.

— Может, есть какие-то факторы, влияющие на это?

— Я давно перестал замечать всё вокруг, поэтому это тяжёлый вопрос.

— Хорошо, расскажите мне какую-нибудь последнюю яркую картинку, пережитую вами.

Я замолчал. В голове всплыл тот утренний балкон, Мари, спящая на моих плечах... но я не был уверен, что это было на самом деле, а не просто плод моего воображения. Тем не менее, я начал говорить — и слова полились сами собой, будто давно ждали этого часа.

Глава 3

Мы на балконе вдвоём. Мари — моя девушка? — спит на моих руках, сидя у меня на коленях. Её голова лежит на моём плече, и она дышит мне в шею — с каждым выдохом словно прожигает кожу насквозь. Тёплый воздух касается моей ключицы, и я чувствую, как её ресницы чуть подрагивают во сне. А я сижу на стуле, точнее, в старом плетёном кресле, которое позволяет свободно откинуться назад, и, держа её, всматриваюсь вдаль.

За окном рассвет. Солнце медленно встаёт за панельными домами, разливаясь приятным оранжевым светом по серым крышам и мокрым от росы балконным перилам. Где-то внизу просыпаются машины, слышен далёкий лай собаки, но здесь, наверху, только тишина и наше дыхание. Этот момент запоминается больше всего на свете — не потому, что он яркий, а потому, что в нём я чувствую себя живым.

На Мари — простая майка, которая лишь подчёркивает каждую линию её тела, и короткие шорты, оголяющие небольшое бедро, переходящее в тонкие, изящные ноги. Она пахнет сладким вишнёвым соком — не приторно, а словно слегка щекоча ноздри, смешиваясь с утренней свежестью. Я вдыхаю этот запах и чувствую, как внутри разливается тепло, но тут же его сменяет тревога: почему она спит именно здесь, на мне, а не в кровати?

А где-то внутри квартиры, на той единственной кровати, спит мой брат, который всю ночь веселился с подружкой. Её стоны, казалось, были слышны на весь наш район. И мне казалось, что мы с Мари здесь лишние. По итогу она спит на мне, а брат с её подружкой — на кровати.

Мы в студии, где двум парням было тяжело жить, даже можно сказать — тесно. Я спал на балконе, на раскладушке, а брат — на кровати. Но сегодня утром всё перевернулось. Я смотрю на Мари, на её расслабленное лицо, и не могу понять: это сон или явь?

...

— Итак... Кто такая Мари? Ваша нынешняя девушка?

— Я не знаю, Док.

— Почему? Вы с ней не разговаривали на эту тему?

— Не знаю, вроде говорили, но я не помню?

— Вы это спрашиваете у меня?

— Нет. Просто мир словно оборвался в том моменте.

— У вас были зависимости?

— Тяжёлый вопрос...

Глава 4

Дни повторяются. Я пришёл после девяти вечера домой от Дока. Его вопросы поставили меня в тупик. Я совсем потерялся — словно провалился в чёрную яму, где нет ни дна, ни стен. Я не помню о своём прошлом почти ничего. В голове застряли обрывки воспоминаний, будто чужая жизнь, отснятая на старую плёнку. А свою — настоящую — я забыл.

Наутро я снова проснулся, умылся ледяной водой, даже не взглянув в зеркало. Оделся механически, вышел на остановку.

8:32 — подъехал автобус, я сел на заднее сиденье и провалился в тягучую дремоту.

9:05 — толчок, я просыпаюсь, выхожу на знакомой остановке. Иду через половину района, сворачиваю в серый офисный коридор, сажусь за стол и тупо перебираю бумаги до семнадцати часов. А потом — обратно. Всё те же лица, те же звуки клавиатуры, тот же приторный кофе. И так каждый день.

«Нужно сказать Доку о этой бесконечной петле», — думаю я, но внутри уже зарождается равнодушие. Жизнь совсем однообразная, как заезженная пластинка.

Сегодня вечером будут изменения — обещал придти брат. Я лежу в кровати, глядя в потолок, и пытаюсь собрать в голове хоть что-то внятное. Вдруг раздаётся звонок в дверь — резкий, настойчивый, вырывающий меня из оцепенения. Я нехотя поднимаюсь, шаркаю к прихожей, открываю. На пороге брат. Он выглядит бодро, в лёгкой куртке, с ключами от машины в руке. Мы здороваемся, я молча пропускаю его внутрь, но он не заходит.

— Слушай, братишка, поехали погуляем. — голос звучит бодро, но в нём слышна забота.

— Даже не знаю... — отвечаю я, чувствуя, как внутри поднимается тяжёлая волна апатии.

Он долго меня не уговаривает — просто смотрит выжидающе. Я возвращаюсь в комнату, накидываю чёрную пайту, чёрные джинсы. На пороге — мои чёрные найки. Одеваюсь в эти вещи, сверху накидываю чёрную кожаную куртку. Всё чёрное — словно траур по моей же жизни. После чего отправляюсь за ним к машине.

Мы сидим в его старом седане. Двигатель работает тихо, почти бесшумно — только лёгкая вибрация передаётся через сиденье. Из динамиков льётся негромкая музыка, но брат сразу прикручивает её. В салоне повисает напряжённая тишина, нарушаемая лишь шумом шин по асфальту.

— Ну как, сходил к доку? — спрашивает он, не поворачивая головы.

— Да.

— И как?

— Врач как врач. Даже не понимаю, зачем всё это. — я замолкаю, потом добавляю, чувствуя раздражение: — И кстати, зачем ты сказал, что у меня депрессия?

— Так у тебя она уже давно... — отвечает он спокойно, будто говорит о погоде.

Я отворачиваюсь к окну. За стеклом проплывают знакомые до боли панельные дома, мокрые от вечернего дождя. Внутри — пустота, но где-то глубоко шевелится крошечное сомнение: а вдруг он прав?

Глава 5

Я снова у Дока. Сажу в том же тёмно-зелёном кресле, чувствуя, как пружины впиваются в спину. Док напротив — он не смотрит на меня, а лишь вглядывается в свою планшетку, водя пальцем по бумаге. Тишина затягивается, и я начинаю различать каждый звук: тиканье настенных часов, шум вентиляции, собственное дыхание. Наконец он резким движением бросает планшетку на стеклянный столик, и та с глухим стуком приземляется рядом с салфеткой.

— Вы верите, что сон может рассказать о вас больше, чем любая история? — спрашивает он, в упор глядя на меня.

— Не-а. — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично, хотя внутри шевелится тревога.

— Хорошо, расскажите свой последний сон, который помните.

Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. В голове — туман, но кадры начинают проступать, словно проявленная фотография.

— Я точно не помню происходящее. — бормочу я, но Док молча ждёт, и я продолжаю:

— Помню, выхожу с работы. Не моей. Вообще это было какое-то заведение, по-моему, я был поваром. Выхожу из здания — оно стояло на окраине города, вокруг пустырь и серое небо. И вдруг вижу ядерный взрыв.

Я делаю паузу, чувствуя, как в горле пересыхает. Док что-то помечает в блокноте, но я уже не могу остановиться:

— Взрыв был не рядом, а вдали. Город, в котором он произошёл, начал разрушаться, словно кукольный домик, — этажи складывались, стены трескались, и весь этот грохот я слышал даже на расстоянии. Помню, я укрылся за зданием, и меня знатно пошатнуло ударной волной — ноги подкосились, в ушах зазвенело. Потом приехал брат с друзьями на серебристом седане — не на его обычной машине, а на чужой. Они увезли меня в какие-то панельные районы, где дома стояли стеной, бесконечные и одинаковые. Возле гаражей мы начали залазить на ржавые трубы и железные балки, а потом прыгать — вниз, на асфальт, но падения не было, только полёт.

Я открываю глаза и смотрю на Дока. Он замер, слегка приоткрыв рот, но быстро берёт себя в руки.

— Ну и потом я проснулся. — заканчиваю я, чувствуя, как ладони становятся влажными.

— Удивительный сон... — медленно произносит Док, одновременно записывая что-то в блокнот. Он поднимает взгляд и добавляет: — Слушайте, давайте я разберу его по своим книгам, а на следующем сеансе мы подробно разберёмся.

Я киваю, хотя внутри всё сжимается от непонятного страха. Когда я выхожу из кабинета, коридор кажется длиннее, а свет — тусклее. Сон не отпускает меня, и где-то в глубине души я понимаю: это не просто сон.

Глава 6

Сегодня выходной. Ничего не делаю. Лежу, беру телефон, листаю рилсы — тупые, одинаковые. День идёт вязко, как смола. Если бы меня не было, ничего бы не изменилось.

Вдруг звонок. Мари.

— Привет, Марк.

Странно. Обычно только я звоню ей. Я всегда звоню. А тут она. Что-то случилось?

— Привет, как ты?

— Нормально. Слушай, я недалеко от тебя, может зайду?

Она хочет зайти. Ко мне. Ну ладно.

— Да, конечно, заходи.

— Хорошо, сейчас буду.

Я встаю с кровати, иду к окну. А там — дождь. Стеной. Вода хлещет по стеклу, будто кто-то сверху выливает вёдра. Смотрю и чувствую, как внутри что-то щёлкает.

Через пару минут — звонок в дверь. Она уже здесь. Открываю. На пороге — Мари. Промокла до нитки. Волосы слиплись, с лица течёт, куртка вся мокрая. Я пропускаю её молча, так же, как брата тогда.

— Снимай куртку, сейчас принесу полотенце.

— Тут такое дело, я вообще промокла... — говорит неловко. Словно ей стыдно.

— Понял, сейчас принесу одежду. Ты проходи пока.

Заходим в комнату. Я открываю шкаф — почти пусто. Достаю полотенце и свою чёрную пайту. Ещё даю ей свои шорты на выход — больше нет ничего. Оставляю её в комнате, сам иду на кухню — чайник поставить.

Стою, жду. Чайник шумит. Телефон остался в комнате, так что просто смотрю на этикетку чая. Скука. И вдруг — шаги. Мари в проходе. На ней только моя пайта. Без шорт.

— Ты не против, если я так буду?

— Нет, то есть... — не могу сформулировать.

— Я поняла тебя.

Она садится напротив, за стол, поджав под себя ногу. Смотрит на меня, и я чувствую, как внутри всё переворачивается.

— Тебе чёрный чай...

— Да...

Завариваю. Оборачиваюсь, вижу её улыбку.

— Что?

— Ты помнишь, что я пью только чёрный чай?

Странно, но я помню. Это застряло в голове. Не знаю, почему именно это.

— Ну... да, помню.

— Ладно, у тебя есть что-нибудь к чаю?

Чёрт. В шкафу лежит шоколадка. Молочная. Я её не люблю — терпеть не могу молочный шоколад, приторный. Но она куплена уже неделю назад. Зачем? Не помню.

— Да, есть твой любимый молочный шоколад.

Глава 7

Захожу. Док уже сидит, смотрит на меня поверх очков. Кивает.

— Марк, заходите.

Сажусь на своё место. Кресло скрипит. Док откладывает планшетку в сторону.

— И так, Марк, помните, вы рассказывали о сне. О нём я хочу поговорить в конце. Расскажите, как прошёл вчера ваш день.

Я молчу пару секунд. Смотрю на него.

— Вы что-то знаете?

— О чём?

— О вчерашнем дне.

— Нет, с чего это? — удивляется он. — Я просто спрашиваю, как у вас дела.

— Ну... вы не спросили ни разу за два дня про мой день. А вчера заходила Мари.

Он поднимает бровь.

— Ваша девушка?

Я смотрю в стол. Внутри пустота, но вопрос застревает.

— Просто подруга.

— О. Так вы всё-таки поговорили?

— Нет. Но я думаю, мы просто друзья. Хотя... не уверен, что просто друзья спят вместе.

Док чуть наклоняется вперёд.

— Так вы спали вместе?

— Было поздно. Она пришла мокрая от дождя. Посидела у меня до ночи, потом осталась. Как-то само получилось. Мы лежали, смотрели французскую мелодраму.

— Вам нравятся французские мелодрамы?

— Нет. Но вчера смотрел с удовольствием.

— Может, на вас так влияет Мари?

Я пожимаю плечами. Не знаю. Может. А может, просто хочется верить, что есть что-то настоящее.

Док записывает что-то в свой блокнот. Я смотрю на его руку. Она движется быстро. Я замечаю, как скрипит ручка по бумаге. В кабинете тихо — только тикают часы.

— Хорошо, давайте вернёмся ко снам, — говорит Док, откладывая ручку. — Что вам снилось сегодня?

Я закрываю глаза. Там темнота. Но есть картинки — не чёткие, как старые фотографии.

— Не помню весь сон точно. Помню девушку. Она ниже меня на голову. Её лицо — размытое, я не могу описать. Помню, что наслаждался запахом и внешностью. Очень хорошо запомнились волосы — тёмные, как ночь. Она была стеснительная, закрытая. И я всё время прижимал её к себе.

Я чувствую, как внутри что-то теплеет от этого воспоминания. Или от фантазии.

— У нас была ночь. Я пытался всё сделать аккуратно, а она вела себя смущённо. Потом мы ходили рядом. Я встречал её с работы, провожал до дома, бежал на последний автобус.

Док смотрит на меня внимательно. Я продолжаю.

— Автобус хорошо запомнился. Похожий на газель. Белая такая, «газель некст» или как-то так. Похож на старые пазики. Он был накрён влево. Пришлось подпрыгивать, чтоб залезть внутрь. Когда я уже сел, обернулся и увидел огромный зелёный ТЦ. Уверен, в моём городе такого нет. Может, это вообще другой город.

Я открываю глаза. Док сидит неподвижно.

— Я пытался всё время быть с ней. Потому что чувствовал спокойствие.

— Была ли это Мари во сне?

Я молчу. Думаю. Не знаю.

— Не знаю, Док. Может, да. А может, нет.

Он опять записывает. Я смотрю в окно за его спиной. Там — парк, лавочка, пара. Парень прижимает девушку к себе. Она читает книгу, закинув ноги ему на колени. Он закрыл глаза, прислонился к её спине.

Я смотрю на них и теряю нить.

— Марк? — слышу голос Дока. — Марк, вы здесь?

Я моргаю. Поворачиваюсь к нему.

— А?

— Почему вы отключились, когда увидели пару сзади нас?

Я не отвечаю. Просто смотрю на него. Внутри — пустота. И тот самый страх, что я что-то упускаю. Что-то важное.

Но я молчу.

Глава 8

День прошёл странно. Снаружи ничего не изменилось — те же серые дома, тот же моросящий дождь, те же безликие прохожие, — но внутри меня поселилась зыбкая тревога. После встречи с Мари и разговора с братом я чувствовал себя опустошённым до дна. Будто из меня вычерпали всё, что ещё могло теплиться, оставив лишь сырую, холодную пустоту.

Я всё чаще ловлю себя на том, что хожу по квартире по кругу. От кухни к балкону, от балкона к кровати, от кровати обратно на кухню. Шаги становятся механическими, но в голове, словно заевшая пластинка, застревают обрывки — моменты, которые я не могу прогнать.

...

— Так, и что это за моменты?

— Помните, вы спрашивали о зависимостях... Зависимость от общения с определённым человеком считается?

— Вы говорите о Мари?

— Да, о ней...

...

Я закрываю глаза, и в темноте всплывает её лицо. Я вдыхаю её запах всей грудью — странно, но этот аромат кажется мне болезненно знакомым. Он напоминает лёгкую клубнику вперемешку с цитрусом: приятная, сладкая терпкость, от которой кружится голова. Она лежит ко мне спиной — её позвоночник оголён, и я вижу каждую бугорку, каждую родинку. Я провожу по ним пальцем, и её кожа покрывается мурашками. Ей холодно? Или неприятно? А может, просто щекотно? Я хочу спросить, но язык не слушается. Вместо этого я лишь сильнее прижимаю её к себе, чувствуя, как тепло её тела смешивается с моей ледяной дрожью.

А потом всё исчезает. Остаётся только серый утренний свет, просачивающийся сквозь щель в шторах, и звук собственного дыхания. Я открываю глаза и понимаю, что снова лежу в кровати, сжимая в руках край мокрой от пота подушки.

Я стараюсь думать о чём-то другом, но мысли упрямо возвращаются к ней. К её голосу, к её улыбке, к тому, как она брала мою чашку с чёрным чаем. Я словно больной, который, закрыв глаза, видит только один образ. Словно я заражён ею до самой сердцевины.

Трясущимися руками тянусь к телефону на тумбочке. Экран холодный и безжизненный. Нет пропущенных.

Нет новых сообщений.

Тишина.

Странное ощущение пустоты снова проникает в моё пустое тело, в мою холодную и влажную кровать. Я отворачиваюсь к стене, в которой давно облупилась краска, и пытаюсь вспомнить, когда в последний раз я чувствовал себя живым. Не как механизм, выполняющий утренние ритуалы, а как человек, который может дышать полной грудью.

В памяти всплывает эпизод из кабинета Дока.

«Марк? Почему вы словно отключились, когда увидели пару сзади нас? »

Я тогда не ответил ему. Может, потому что не знал ответа. А может, потому что та пара — парень, прижимающий к себе девушку, пока она читает книгу, — показалась мне издевательским отражением того, чего у меня никогда не было. Они были единым целым. А я — разбитым вдребезги.

Я сжимаю кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. С каждым днём становится только хуже. Мари играет со мной как с игрушкой — как котёнок, который нашёл мышонка и, не зная, что с ним делать, начинает его мучить. То приближает, то отталкивает. То дарит надежду, то обрубает её одним равнодушным «пока».

Я поворачиваюсь на спину и смотрю в потолок. Там, на белой поверхности, проступают трещины, похожие на карту неизведанной земли. И мне кажется, что я тоже — такая же трещина. Тонкая, почти незаметная, но готовая разойтись в любой момент.

Молчание.

Я вообще много молчу в последнее время. Может быть, я действительно сошёл с ума? Может быть, все эти видения, эти обрывки снов и этот липкий страх — не просто усталость, а начало чего-то необратимого?

Но нет. Грусть слишком настоящая, слишком осязаемая. Она живёт у меня под рёбрами, как маленький колючий зверёк, который скребётся изнутри. Мне не просто плохо — мне больно от того, что всё вокруг не так, как должно быть. Мари то приближает меня, то отталкивает, и я не понимаю, что ей нужно. Она словно играет со мной, как котёнок, который поймал мышонка и, не зная, что с ним делать, то подбрасывает его, то прижимает лапой. Только я не мышонок. Я — человек, который уже почти не чувствует себя живым.

Я переворачиваюсь на спину и закрываю глаза, но темнота за веками не приносит покоя. В ней всё те же тревожные блики, те же силуэты, те же неотвеченные вопросы. А кровать подо мной всё так же холодна и влажна, будто я лежу не в постели, а на сырой земле, в ожидании, когда меня наконец засыпят.

Глава 9

День прошёл.

За ним — другой.

Я перестал их считать. Они сливаются в один бесконечный серый комок, где утро не отличается от вечера, а вечер — от ночи. Я вставал, пил воду, садился за стол, смотрел в стену, потом снова ложился. Иногда я открывал холодильник, но внутри было пусто, кроме забытой банки солёных огурцов и полпачки масла. Я не чувствовал голода — только тупую тяжесть в животе, будто там лежал камень. Единственное, что я делал с какой-то осмысленностью, — это смотрел в окно. За стеклом всё те же панельные дома, всё та же мокрая от дождя асфальтовая дорога, всё те же машины, которые утром и вечером ползли в пробках. Мир за окном существовал по своим законам, а я — по своим, и эти законы не пересекались.

На второй день, когда сумерки начали сгущаться, в тишине вдруг раздался звонок. Телефон на тумбочке завибрировал и заиграл мелодией, которую я давно ненавидел, но менять не было сил. Я долго смотрел на экран, пока имя «Брат» не перестало мерцать, а потом всё же поднял трубку, приложив холодный пластик к уху.

— Алло? — голос брата был напряжённым, будто он давно ждал, когда я отвечу.

— Что? — выдавил я, чувствуя, как горло пересыхает от долгого молчания.

— Живой? — спросил он с нарочитой бодростью, но в ней проскальзывала тревога.

— Ну, если это так называется... возможно, — пробормотал я, глядя в потолок. Слова выходили тягучими, как смола.

— Ты пьёшь свои витамины? — его голос стал жёстче, почти приказным.

Я замер. Витамины? Что за витамины? В голове пронеслась путаница: может, он говорит о тех противовирусных, которые советовал мне купить пару недель назад? Или о чём-то для давления? Я не помнил, чтобы я вообще что-то принимал регулярно. В моём шкафчике в ванной лежал только старый тюбик зубной пасты да засохший дезодорант.

— Какие витамины? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

В трубке повисла тишина. Я слышал только его дыхание — прерывистое, словно он решал, стоит ли говорить дальше. За окном проехала машина, и на мгновение свет фар скользнул по стене, высветив облупившиеся обои.

— Марк, ты тут? — наконец спросил он.

— Да... — я помедлил, — какие витамины?

— Которые тебе прописал Док, — сказал он медленно, выделяя каждое слово.

Я почувствовал, как внутри поднимается глухое раздражение. Док. Опять Док. Этот врач, который задаёт странные вопросы, который смотрит на меня поверх очков и что-то записывает в свой блокнот. Но он никогда не выписывал мне никаких лекарств. Я бы запомнил. Я бы видел рецепт. Я бы держал эти таблетки в руках.

— Но мне не прописывал Док витамины... — сказал я, и мой голос прозвучал почти обиженно, как у ребёнка, который доказывает, что его не поняли.

Глава 10

Я захожу в кабинет Дока.

Нет, не так.

Я вбегаю в кабинет Дока, с размаху толкнув дверь плечом. Она со звоном ударяется о стену, и вешалка у входа с глухим стуком падает на пол, но я даже не оборачиваюсь. Док сидит за своим столом, подняв голову от блокнота, и смотрит на меня поверх очков. В его взгляде — ни удивления, ни испуга, только усталое спокойствие.

— Добрый вечер, Марк. Вы опаздываете, — произносит он ровно, как будто ничего не случилось.

— Но сегодня не мой день! — выкрикиваю я, чувствуя, как пальцы сжимаются в кулаки.

— Как это? Сегодня же четверг. У вас приём по расписанию.

Чего? Четверг? Я замираю, пытаюсь переварить. Ведь я только что был у него... или нет? В голове — каша. Воспоминания налезают друг на друга, как мокрые листы бумаги, которые невозможно разделить.

Я не могу осознать происходящее. Мне кажется, что он играет со мной в какую-то жестокую игру. И брат, и Мари — все они будто заодно. Сговорились и наблюдают, как я мечусь в этой клетке, не давая ни единой подсказки.

— Присаживайтесь, Марк, — Док жестом указывает на знакомое кресло, — и рассказывайте, что снилось вам вчера.

Я не сажусь. Я делаю шаг вперёд и останавливаюсь прямо перед его столом, почти нависая над ним. Горло пересохло, но слова рвутся наружу.

— Почему вы просите меня рассказывать о снах, но ни разу не даёте прямого ответа? — голос срывается на хрип. — Зачем вы водите меня за нос? Эти вопросы о Мари, о зависимостях и снах — как они связаны? В чём их грёбанный смысл?

Док спокойно откидывается на спинку стула и складывает руки на груди.

— Я составляю ваш внутренний мир, для себя. Чтобы понять, что происходит у вас в голове.

— Да вы просто морочите мне голову! — я уже не говорю, я кричу. — Я прихожу к вам, рассказываю всякую чушь, а вы только записываете и молчите!

— Марк, — его голос становится твёрже, — у вас тяжёлая форма депрессии. Мы это уже обсуждали.

— Это чёртовы слова моего брата, которые он взял из своей головы! — я стучу кулаком по столу, и планшетка подпрыгивает на стеклянной поверхности. — Вы даже не ставили мне диагноз!

— Что вы такое говорите? — Док приподнимает бровь, и в его глазах мелькает тень удивления.

Я перевожу дыхание и выдавливаю из себя вопрос, который жжёт изнутри:

— Какие витамины вы мне прописывали? Мой брат сказал, что я должен их пить, но я никогда не видел никаких рецептов!

Док на мгновение замирает. Его взгляд бежит по столу, он машинально тянется к планшету, потом к блокноту, словно что-то ищет. Его пальцы слегка подрагивают. Я замечаю эту паузу, и внутри всё переворачивается.

— Нет! — выкрикиваю я. — Вы только что пытались вспомнить! Вы не знаете, что мне прописывать! Вы просто делаете вид, что лечите меня!

Док медленно поднимает на меня глаза. В них больше нет привычного спокойствия — только усталость и какая-то щемящая жалость.

— Марк, — говорит он тихо, почти шёпотом, — вы лечитесь уже полтора года. Антипсихотики и стабилизаторы настроения. Ваш брат приносил их сюда каждый месяц, последние полтора года. Вы просто не помните.

Полтора года.

Я смотрю на Дока, на его серьёзное лицо, на его руки, сжимающие ручку, и не узнаю его. Он кажется мне чужим, будто я вижу его в первый раз. Или в тысячный.

— Нет... — шепчу я, чувствуя, как ноги становятся ватными. — Этого не может быть.

— Марк, вам нужна помощь. Реальная помощь.

Я резко разворачиваюсь и выбегаю из кабинета, толкнув дверь уже ногой.

Глава 11

Гудок.

Гудок.

Гудок.

Я сжимаю телефон в потной ладони, чувствуя, как пластик нагревается от пальцев. В ушах — только монотонные гудки, которые кажутся бесконечными. Я уже хочу сбросить, но вдруг — щелчок, и в трубке раздаётся голос. Тот самый голос, который я так хочу слышать и одновременно боюсь.

— Алло? — голос Мари звучит удивлённо, будто она не ожидала моего звонка.

— Алло, Мари! — выдыхаю я, чувствуя, как сердце колотится о рёбра.

— Да? Что случилось, Марк? — в её голосе появляется настороженность.

— Нам нужно срочно встретиться, — говорю я, и слова вылетают быстрее, чем я успеваю их обдумать.

— Ну, я могу приехать завтра, — отвечает она спокойно, но я слышу в этом спокойствии отстранённость.

— Нет! Давай я приеду к тебе сейчас! — перебиваю я, чувствуя, как внутри закипает паника.

На мгновение она замолкает, и я слышу только её дыхание. Затем её голос становится твёрже:

— Тебе нельзя ко мне.

— Это ещё почему? — я почти кричу, хотя сам не понимаю, откуда берётся этот гнев.

— Мой отец ненавидит тебя после того случая, — говорит она тихо, почти шёпотом.

После того случая.

Я замираю. В голове — пустота. Какой ещё случай? Я пытаюсь перебрать воспоминания, но они рассыпаются, как старые фотографии, которые нельзя склеить. Я не помню никакого случая. Я вообще почти ничего не помню из того, что было до этих дней. И от этого становится страшно — не просто пусто, а по-настоящему жутко.

— Мари, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, — я не понимаю, о чём ты. Какой случай? Что произошло?

Она молчит, и это молчание длится слишком долго. Когда она наконец отвечает, её голос звучит устало и обречённо:

— Марк, прости. Я не могу сейчас говорить. Тебе нужно лечиться. Обратись к Доку, он знает.

— Док? — я чувствую, как внутри поднимается волна гнева. — Опять Док? Вы все сговорились! Брат, ты, Док — вы просто хотите запереть меня!

— Ты сам себя запер, Марк, — тихо говорит она, и в этих словах звучит такая боль, что я на мгновение теряю дар речи.

Глава 12

Я стою под балконом. Вокруг меня — серые панельные дома, мокрые от дождя, их стены кажутся ещё более унылыми, чем обычно. Дождь хлещет в лицо, холодные капли проникают за воротник куртки, и я вынужден прикрываться рукой, чтобы избавиться от этого неприятного ощущения. В ушах — наушники, из которых льётся русский андеграунд-рэп: тягучие биты и хриплые голоса идеально вписываются в эту серую, сырую атмосферу, передавая ту самую настоящую русскую жизнь, где надежда всегда на грани с отчаянием.

Я жду Мари. Она должна прийти и, возможно, попытаться привести меня в норму — вернуть меня из той пропасти, в которую я проваливаюсь с каждым днём. Когда я поднимаю руки, чтобы поправить капюшон, я замечаю, что они трясутся — мелко, нервно, как у наркомана в ломке. Я не понимаю, что происходит. Может быть, мой мозг окончательно сошёл с рельсов и посылает мне сигналы, которые я не могу расшифровать. Еле-еле убрав руки в карманы, я нащупываю мятую пачку сигарет. Достая одну, вставляю её в зубы, затем нахожу металлическую бензиновую зажигалку. Пытаюсь поджечь — но на улице слишком сыро, ветер задувает пламя, и сигарета не загорается. Я бросаю её на мокрый асфальт и со злостью растапываю подошвой кроссовка.

В этот момент я замечаю Мари. Она, прикрывая голову курткой, быстро перебегает через дорогу и направляется ко мне, под навес балкона. Её волосы сразу намокают, пряди прилипают ко лбу. Она подбегает и тянет руки, чтобы обнять меня. Я решаю действовать — прижимаю её к себе и целую.

Неловко.

Секунда.

Она отстраняется, делает шаг назад. В её глазах — растерянность.

— Что происходит, Марк? — спрашивает она, и голос её дрожит.

— Прости! Я начинаю сходить с ума, — выдыхаю я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Почему ты так говоришь? — она смотрит на меня с тревогой.

— Я не понимаю, что происходит вокруг, — говорю я, и каждое слово даётся с трудом.

Она опускает взгляд в пол, потом снова поднимает глаза — они краснеют, и я вижу, что вот-вот польются слёзы. Я протягиваю руки, чтобы прижать её к себе, но она снова отступает на шаг.

— Скажи... Что происходит? — спрашиваю я её, чувствуя, как голос срывается. — Ты знаешь?

— Марк, — говорит она медленно, — ты перестал пить таблетки?

— И ты туда же! — в гневе я резко разворачиваюсь и начинаю ходить под дождём, не замечая, как вода заливает лицо, как капли смешиваются со слезами, которых я не хочу признавать. Дождь пробивает меня насквозь, превращает в воду. Я становлюсь частью дождя — таким же серым, холодным и бесконечным.

Глава 13

Внезапно Мари подходит сзади и хватает меня за руку — её пальцы холодные и мокрые. Я оборачиваюсь и вижу её: она полностью промокла, волосы слиплись, по щекам текут не то капли дождя, не то слёзы. Она тянется ко мне и целует в губы — мягко, почти отчаянно, словно пытаюсь передать что-то, что нельзя выразить словами.

Тишина.

Я впадаю в ступор. Поцелуй обжигает холодом, но внутри что-то дрожит. Я не успеваю ничего понять, как она отстраняется и, глядя мне в глаза, шепчет:

— Прости меня, Марк...

— Что? — переспрашиваю я, чувствуя, как голос срывается. — За что я должен простить?

Но она не успевает ответить. Где-то за спиной раздаётся шум мотора, и я узнаю этот звук — машина моего брата. Она подъезжает и останавливается у обочины. Мари сжимает мою руку и говорит быстро, почти умоляюще:

— Нам нужно спасти тебя. Если мы не сделаем это, тебя не станет.

Спаси? От чего? Эти слова бьют по мне сильнее удара. Я вырываю руку и отстраняюсь от Мари. В голове проносится мысль: она и брат сговорились. Они хотят закрыть меня в дурдоме, сделать из меня психа, лишит последних остатков свободы. Я вижу, как из машины выходит брат, и внутри всё переворачивается. Не раздумывая, я срываюсь с места и бегу прочь, между дворами, не разбирая дороги.

Шум дождя заглушает шаги, но за спиной слышен гул двигателя — они едут за мной, медленно, но настойчиво. Я петляю между мусорными баками и гаражами, пытаюсь уйти, но через несколько минут оказываюсь перед высоким бетонным забором — тупик. Я оборачиваюсь: машина брата перегораживает выход из двора, фары слепят глаза, свет пробивается сквозь пелену дождя.

Из машины выходит Мари, её лицо искажено тревогой.

— Успокойся, Марк! — кричит она, протягивая руки.

— Я не псих! — ору я в ответ, чувствуя, как отчаяние заливает грудь. — Я адекватный!

— Марк, тебе нужна помощь... — доносится голос брата из-за спины Мари.

Я прижимаюсь спиной к холодной стене тупика, не зная, куда бежать. Дождь стекает по лицу, и я чувствую, как мир сужается до этой серой клетки, из которой нет выхода.

Глава 14

— Марк, вы будете говорить? — голос Дока доносится словно сквозь вату.

Я молчу. Сажу в кресле, чувствуя, как пружины впиваются в спину, но тело будто не моё. Взгляд упирается в столешницу, и я не могу поднять глаза.

— Марк, я вынужден вызвать людей, которые заберут вас. У вас были попытки самоубийства.

— Что вы говорите? Вы это взяли из головы! — выдыхаю я, но голос звучит глухо и неуверенно.

— Взгляните на свои руки...

Я медленно поднимаю руки. Сначала не понимаю — на запястьях, чуть выше ладоней, тянутся тонкие, но глубокие красные линии. Порезы. Аккуратные, ровные, будто их сделали с какой-то страшной методичностью. Кожа вокруг них бледная, почти синяя. Я смотрю на них, и в груди разрастается холод. Когда? Как? Я не помню, чтобы резал себя. Я вообще ничего не помню.

— Вас спасла Мари в ту ночь, — говорит Док, и его голос звучит мягко, но настойчиво.

— Что? — я поднимаю на него взгляд. — Я не понимаю. Я же не делал этого...

Но слова застревают в горле, потому что перед глазами вдруг начинают проступать обрывки — не картинки, а скорее ощущения. Холодный кафель под спиной, мутный свет лампы в ванной, запах железа, смешанный с мятным шампунем.

...

— Алло! Марк! Что случилось? Почему ты не берёшь трубку! — голос Мари в телефоне, резкий и испуганный.

Я лежу на полу. Телефон валяется где-то рядом, но я не могу его поднять. Пальцы скользкие, и я слышу, как из трубки доносится её крик. Ванная комната — вся в красном. Вода в раковине тёмная, по краю белой эмали стекают капли. Я хочу ответить, но язык не слушается.

— Прости, Мари... — шепчу я, едва слышно.

— Что случилось?! — её голос становится ещё громче, и я чувствую, как сознание начинает уплывать.

Я не могу удержать телефон. Руки падают на мокрый пол, и перед глазами всё темнеет. Вдруг дверь ванной с грохотом распаивается — в проёме стоит брат. Как он зашёл? Как он оказался здесь? Но я уже не могу думать.

— Марк! Что ты наделал? — кричит он, бросаясь ко мне.

Он хватает полотенца и прижимает их к моим запястьям. Я чувствую давление, но боли нет. Только тупая тяжесть, разливающаяся по всему телу. Я умираю. Я знаю это. И внутри, где-то глубоко, я почти рад.

— Алло, Мари! — слышу я голос брата, он поднимает мой телефон, — вызывай к нему скорую, у него тут всё в крови.

Он бросает телефон на раковину, потом легонько бьёт меня по щеке — пощёчина приводит меня в чувство на секунду.

— Так, держись, ты никому не нужен холодным, — говорит он, и в его голосе звучит отчаяние.

Я уже засыпаю. Глаза закрываются, и я слышу только:

— Говори со мной, держи глаза открытыми...

Но я не могу. Всё погружается в тёмную, густую тишину.

...

Я моргаю. Снова сижу в кресле у Дока. Мои руки лежат на коленях, порезы всё ещё видны, но уже не кажутся такими пугающими — скорее, они кажутся чужими, будто принадлежат кому-то другому.

— Мари позвонила вашему брату, когда вы позвонили ей, — говорит Док, глядя на меня поверх очков. — Благодаря этому вы здесь. Выжили.

На моём лице застывает страшная гримаса, и я чувствую, как по щекам начинают течь слёзы. Я закрываю лицо руками, пытаюсь спрятаться от этого мира.

— Док, — шепчу я, — я ничего не помню. Этого не было для меня.

Док медленно кивает и произносит слова, которые врезаются в память:

— Всё потому, что вы уже холодный. Вы давно перестали чувствовать себя живым.

Я поднимаю голову и смотрю на него. Слёзы смешиваются с потом, но я больше не могу плакать. Остаётся только пустота — и вопрос, который не даёт покоя: что ещё я забыл?

Глава 15

Я лежу на своей кровати второй день. Или третий? Я сбился со счёта. Шторы задёрнуты, и я даже не знаю, утро сейчас или вечер. В комнате стоит полумрак, и только тонкая полоска света пробивается через щель, оставляя на стене бледную, дрожащую полосу. Я не понимаю происходящего. В голове — каша из обрывков: Док, порезы, ванная, брат, Мари под дождём. Всё это перемешалось, как краски в грязной луже.

Мне страшно. По-настоящему, до дрожи в коленях. Я чувствую, как сердце колотится где-то в горле, а ладони всё время влажные, даже когда я сжимаю их в кулаки. Каждый шорох за стеной кажется мне шагами — они идут за мной. Они хотят забрать меня.

Я выкинул телефон в мусорное ведро на кухне. Не потому, что хотел тишины, а потому, что боялся услышать их голоса. Брат, Док, Мари — они все знают что-то, чего не знаю я. И я не хочу больше слушать их ложь. Но теперь, без телефона, я ещё больше отрезан от мира, и от этого становится ещё жутче.

Уже три часа кто-то долбится в дверь. Тяжело, настойчиво, с глухим ритмом, который отдаётся в висках. Сначала я думал, что это просто соседи, но стук не прекращается. Он становится громче, и я слышу голоса — несколько человек говорят между собой, но слов не разобрать. Мне кажется, что это те самые люди, которых обещал вызвать Док. Они пришли за мной. Забрать в психушку, запереть, уколоть, стереть остатки меня.

Я поднимаюсь с кровати. Ноги ватные, и я хватаюсь за стену, чтобы не упасть. Выхожу в коридор. Там сумрачно, и я вижу, как дверь слегка вибрирует от ударов. Я делаю глубокий вдох и кричу, срывая голос:

— Не идите сюда, иначе я выпрыгну!

Голос эхом разносится по квартире, и на мгновение стук затихает. Я слышу, как кто-то перешёптывается, и вдруг раздаётся голос — знакомый, до боли родной.

— Марк! — это Мари. — Прошу, не глупи... Ради меня...

Я прижимаюсь спиной к стене, чувствуя, как холод штукатурки пробирается под футболку. Ради неё? Она говорит так, будто ей не всё равно. Но ведь она всегда была холодной, всегда отталкивала меня. Я сжимаю кулаки и кричу в ответ:

— Ты меня не любишь, Мари!

За дверью повисает пауза, а потом слышно, как она почти плачет:

— Дурак! Мы с тобой вместе уже три года!

Три года? Эти слова бьют меня под дых. Я ничего не помню о трёх годах. Только обрывки, только боль. Я закрываю глаза и выдыхаю:

— Ложь! Ты меня постоянно игнорируешь, и мне приходится под тебя стелиться!

— Марк... Что ты такое говоришь? — голос Мари дрожит, и я слышу, как она всхлипывает.

Я чувствую, как внутри всё рушится. Я не знаю, что правда, а что нет. Но я больше не могу здесь оставаться. Я делаю шаг к балкону, отодвигаю штору и распахиваю дверь. Холодный ветер ударяет в лицо, и я вижу серые гаражи внизу, на уровне третьего этажа. Там, на асфальте, лужи и ржавые крыши. Я оборачиваюсь к двери и шепчу:

— Мари... Прости...

И я выхожу на балкон. Встаю на край, чувствуя, как перила дрожат под моими пальцами. Внизу — бетон и железо, а в груди — тишина. Я делаю шаг в пустоту.

Но вместо удара — только резкая темнота, провал, в котором исчезают звуки, запахи, само время. Я падаю в неё, теряя сознание, и последнее, что я слышу, — собственный крик, который гложет в пустоте.

Глава 16

Я открываю глаза, надо мной — белый потолок, а под спиной — холодная, сырая плитка. Я не знаю, где я. Спина болит так, словно я сломал её во всех местах сразу — каждая косточка, каждый позвонок отдаётся глухой болью. Я чувствую, как плитка впивается в лопатки. Не знаю, сколько я так пролежал — минуту, час, вечность. С трудом, опираясь на локти, я поднимаюсь. Ноги дрожат, и я почти падаю, но хватаюсь за край металлических стульев. Каждый шаг отдаётся в позвоночнике глухой болью. Я хромаю, но иду. Мне нужно к Доку. Он должен объяснить.

Дорога до его кабинета кажется бесконечной. Я бреду по пустому и холодному коридору, мимо голых стен и закрытых дверей, которые кажутся мне насмешкой над моей жизнью. Я не заметил, как оказался у его двери. Толкаю её плечом и вхожу.

— Док! — кричу я, влетая в кабинет.

Внутри — уже знакомое помещение: два кресла, стеклянный столик, абстрактные картины на стенах. Но сейчас здесь сидит молодой человек, который при моём появлении быстро встаёт и выходит, не взглянув на меня. Док поднимается из-за стола и подходит ближе. Он выглядит уставшим, но спокойным.

— Марк, вы опять вне расписания, — говорит он, но в голосе нет упрёка, только усталость.

Я не обращаю внимания на его слова. Боль в спине заставляет меня дышать через раз, но я пересиливаю себя и спрашиваю, почти выкрикивая:

— Док, скажите, сколько мне лет!

Он медленно садится обратно за стол и поправляет очки.

— Марк, вообще-то ваши приёмы — во вторник и четверг. А вы были у меня позавчера.

— Позавчера? — я замираю. — Этого не может быть! Я же дня четыре-пять не был у вас!

Я чувствую, как внутри закипает паника. В голове — каша из дней, которые я не могу сосчитать. Я снова переспрашиваю, уже громче:

— Сколько мне лет, Док?!

Док смотрит на меня поверх очков и произносит медленно, словно давая мне время осознать:

— Марк, вам уже двадцать семь.

Двадцать семь. Цифра падает на меня, как приговор. Я чувствую, как ноги подкашиваются, и я сажусь в кресло, даже не заметив, как оказался в нём. Но я не могу остановиться:

— А какой сейчас год?

— Две тысячи двадцать седьмой.

— Нет! — я вскакиваю, не чувствуя боли. — Это ложь! Я пришёл к вам осенью две тысячи двадцать четвёртого!

— Вообще-то весной, — поправляет он тихо.

Я хватаюсь за голову. Всё плывёт перед глазами. Я пытаюсь найти опору, но её нет.

— Скажите, док, что со мной?! — мой голос срывается на крик.

— Присаживайтесь, Марк.

Я падаю в кресло, тяжело дыша. Док смотрит на меня с той же жалостью, что и в прошлый раз.

— Марк, вас не смущают изменения в теле или в окружении? — спрашивает он.

— Я давно перестал замечать всё... — бормочу я.

— Хорошо, а где мы находимся?

Я оглядываюсь по сторонам. Кабинет, город, панельные дома за окном...

— В городе...

Док медленно качает головой.

— Марк, вы находитесь в психологической лечебнице уже три года.

— Нет... Этого не может быть... — я чувствую, как слова застревают в горле.

— Марк, вы попали сюда, когда убили Мари.

— Что вы такое говорите? Я только что выбежал от Мари! Я прыгнул с балкона, чтобы сбежать от неё и от брата!

— Её нет, — говорит Док, и его голос становится твёрже. — Вы убили её, когда не смогли покончить с собой.

— Нет, нет, нет! — я закрываю лицо руками.

— Она пришла к вам осенью две тысячи двадцать четвёртого. Во время ливня. Вы накормили её, ухаживали, а ночью, в приступе агрессии, задушили. А потом лежали и рассматривали её тело. Запоминали каждую точку.

Я не могу дышать. В груди — пустота, и я слышу только собственное сердцебиение.

— Вы врёте... Это прикол... — шепчу я.

Док встаёт, подходит к шкафу и достаёт небольшое зеркальце. Он протягивает его мне.

— Посмотрите на себя, Марк.

Я беру зеркало дрожащей рукой. В отражении — не я. Бородатый, осунувшийся, с глубокими тенями под глазами. Взгляд чужой, пустой. Я не узнаю этого человека. Это не я.

Глава 17

Пик-пик-пик.

Монотонный, ровный звук проникает в сознание, словно кто-то настойчиво стучит в запертую дверь. Я открываю глаза. Белый потолок. Слишком белый, стерильный, с едва заметными тенями от ламп. Воздух холодный и сухой, пахнет антисептиком и чем-то металлическим. Я пытаюсь пошевелиться, но тело не слушается — руки и ноги не слушаются, будто привязаны к кровати. Я даже не чувствую под собой кровати, только лёгкое покалывание в пальцах.

Надо мной — лицо Мари. Она улыбается, но улыбка её тревожная, глаза влажные, будто она только что плакала.

— Марк... — шепчет она, и я слышу её голос сквозь шум в ушах.

Я пытаюсь сказать, что рад её видеть. Но язык не слушается — он тяжёлый и неповоротливый. Из горла вырывается только слабый хрип.

Мари наклоняется, обнимает меня, прижимается щекой к моей щеке. Её кожа тёплая и шершавая, пахнет её привычным запахом — тем самым, который я помню... или который мне кажется знакомым. Она целует меня в щёку, и я чувствую влагу от её слёз.

Я хочу ответить, но тело не реагирует. Я не помню ничего. Только обрывки, только туман. Кто я? Что я? Почему я здесь?

— Марк, — говорит она, отстраняясь и глядя мне в глаза, — ты попал в аварию. Тебе раздробило половину тела. Ты последние несколько лет был в коме...

Её слова падают на меня, как камни в глубокую воду. Я слышу их, но не могу осознать. Голова гудит, и я пытаюсь переварить информацию.

— Ск... — выдавливаю я с трудом.

— Что, Марк? — она наклоняется ближе.

— Сколько... — шепчу я, чувствуя, как язык едва ворочается.

— Марк, ты разбился весной две тысячи двадцать четвёртого, во время дождя. Сегодня август две тысячи двадцать шестого. К тебе приходили я, и брат, и доктор...

Я смотрю на неё, пытаюсь поймать взгляд. Её лицо такое же, как я помню, но внутри что-то не так. Что-то царапает изнутри, но я не могу понять, что именно.

...

Проходит два дня. Я уже могу немного говорить и даже сидеть. Мари сидит напротив меня, такая же, как я её запомнил: невысокая, чем-то похожая на Афины — богиню мудрости и войны. Она улыбается мне, и я чувствую тепло, но в груди всё равно остаётся холод.

— Я не понимал, что происходит, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже. — Док во сне начал говорить, что я убил тебя. И вообще я сошёл с ума.

Мари вздыхает, и в её взгляде мелькает тень беспокойства.

— Ужас. Но, слава богу, что ты выжил, — говорит она, собираясь встать. — Мне пора, Марк. Отдыхай.

Она уже идёт к двери, когда я внезапно понимаю то, что не давало мне покоя все эти два дня. Она уходит, но что-то не так. Что-то кричит внутри меня.

— Мари, — окликаю я, и она замирает.

— Что? — она оборачивается, удивлённо поднимая бровь.

— Я знаю, что это не ты, — говорю я тихо, но твёрдо.

— Чего? — она останавливается и поворачивается ко мне. Её лицо становится серьёзным.

— Я в психбольнице, — говорю я, и слова выходят ровно, без паники. — Я осознаю это.

— Нет, Марк, с чего это?

— У Мари, не было родинки на лице. Вот здесь, — я показываю пальцем на левую скулу. — И после перелома половины тела руки не связывают кожаными ремнями. Коматозников не приковывают к кровати. Меня здесь держат насильно...